

Григорія В. С.,

аспирант кафедри зарубежної літератури
і класичної філології філологіческого факультета
Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна

ТРАНСГРЕССІЯ И КОНТРКУЛЬТУРА В АМЕРИКАНСКОМ РОМАНЕ 1960-90-Х ГОДОВ (У. БЕРРОУЗ, Ч. ПАЛАНИК)

Аннотация. Автор статьи анализирует историю возникновения понятий контркультурной и трансгрессивной литературы в традиции авангардных писателей США 1960-1990х годов. В статье мы попытаемся найти различие между контркультурой и трансгрессией, определить, какой из этих терминов более уместен в современном литературоведческом исследовании, и почему. Исследование проводится на материале таких литературных явлений, как поколение Бит, киберпанк, поколение Икс, а также теоретических на работах Ж.Батая и Т.Розака.

Ключевые слова: трансгрессивная литература, контркультура, битники, поколение Икс, внутренний опыт, предел.

Цель данной работы – определить, что такое трансгрессивная литература, и может ли трансгрессия как жест, который, по словам Мишеля Фуко, обращён на предел, объяснить потребность читателя в пугающей, «невоспитанной», и часто запрещённой литературе [1, с. 123]. В задачи работы входит, **во-первых**, сравнить историю создания терминов «трансгрессия», «контркультура» и «трансгрессивная литература»; **во-вторых**, определить их различие посредством сравнительного анализа. Для рассмотрения **первого** вопроса воспользуемся работой Теодора Розака «The Making of Counter Culture», для **второго** – трансгрессивной теорией Жоржа Батая. Обе вопросы рассматриваются на материале американских авторов второй половины XX века, которые известны в литературоведении и как контркультурные, и как трансгрессивные: Уильям Берроуз и Чак Паланик, ранние тексты которых лежат в основе нашего диссертационного исследования. Сопоставление понятий трансгрессивной и контркультурной литературы – **новое** поле для исследований. Среди украинских и русских литературоведов были отдельные попытки рассмотреть с точки зрения контркультуры У.Берроуза (Гречуха Л.О. [3]) и Ч. Паланика (Игнатов К.Ю. [4]). В англоязычном литературоведении есть работы о трансгрессивной эстетике Берроуза (Murphy T [14]) и Паланика (Folio J. [10]), отдельно о контркультуре 1960-х (Zimmerman N.[17], Kurtz S. [12]) и 1990-х годов (Malowitz R. [13]). Сопоставительный анализ понятий ранее не проводился.

Характерная особенность термина «контркультура» заключается в том, что он обозначает не текст, а представления о тексте, писателе и его аудитории. Термин «контркультуры» распространился в масс-медиа. Классические исследования контркультурных явлений, как правило, написаны социологами: Шилой Уайтли, Теодором Розаком,

Энди Беннеттом и др [17, с. 165]. В 1969 году в работе «The Making of Counter Culture» Теодор Розак ввёл термин контркультуры с тем, чтобы описать характерное для 1960-х явление молодёжных протестных движений. Розаку было 36, и он рассматривал явление с точки зрения старшего поколения, то есть извне. Его определение несёт политический оттенок: «[Контркультура – это] дилемма между поколениями в технократическом обществе» [15, с. 12]. Розак обвиняет развитие технологий в том, что новому поколению нечем себя занять. Национальные газеты Тайм, Трибюн, Лайф, читателями которых является старшее поколение, перенимают контркультуру, чтобы показать родителям чуждость протестной идеологии детей. Контркультура становится оружием масс-медиа. В прессе 1960-х она заменяет другое медийное понятие «битник» (beaten – «избитое, траченное поколение»). Под понятие «битника» подвели всех писателей 1950-х, которые «оставили университеты» [2, с. 291]. В 1960-х студентов-отказников (drop-outs) называли представителями контркультуры. Постепенно термины смешиваются. В 1969 году в статье Тайм журналист подводит итоги битников, и хиппи под определение контркультуры [2, с. 354]. Многие хиппи действительно увлекались писателями поколения Бит, однако их нельзя назвать общим явлением. К концу 1960-х вдохновители бита Керуак, Гинзберг, Корсо разошлись эстетических позициях, Берроуз отошёл от «Голого завтрака» и экспериментов с разрезками, и занялся авангардным кино в Лондоне. После того, как журнал «Эсквайр» пригласил его совместно с Баллардом поучаствовать в демонстрации в Сан-Франциско, Берроуз дал саркастический отчёт о событии. Он старался избежать какого-либо называния, до конца жизни просил журналистов избегать ярлыков «битника» или «дедушки панка» [11, с. 240]. Медиа подводили под контркультуру неоднородные явления, которые совпадали в том, что были чужды основной аудитории газет и журналов 30+. В структуре слова, в приставке «контр», т.е. «против», заключается политический смысл этого термина. Согласно классическому определению Карла Шмидта, «политическое есть различие между другом и врагом» [8, с. 36], а контркультурой СМИ обозначают раздел искусства или литературы, далёкий от читательской аудитории конкретного издания.

С позиции историка литературы называемые Розаком движения, такие как битники или хиппи, занимают не оппозиционное место «контра», а главную роль в культуре 1960-х годов. В исследованиях, посвящённых этому времени, они стоят на первом месте, не образуя никакого противостояния с другими культурными явлениями своего времени. Пример: Надя Циммерман в книге «Калей-

доскоп контрукультуры» («Counterculture caleidoscope») [17] описывает те же литературные пласти, что и Стенли Куртс в статье «Культура и ценности 1960-х годов» [12]. Контрукультура и была культурой 1960-х. Жак Деррида говорит, что в оппозиции *pro/contra* вторая часть (в нашем случае контрукультура), как правило, сомнительна, в то время как первая (культура) и вовсе отсутствует [12].

Задуманный как политический, термин «контрукультура» поддаётся наиболее полному изучению в работах о рецептивной эстетике, т.е. о впечатлении, которое текст производит на читателя. Такие работы относятся к социологии, и любой литературоведческий труд, посвящённый контрукультуре, неизбежно должен работать в пограничном с социологией поле. У литературоведения нет собственных инструментов для изучения контрукультуры. Исследователям литературного текста, которые не занимаются рецептивной эстетикой, нужно такое понятие, которое бы объясняло не внешние, а внутренние механизмы литературы перверсий. Задачей такого термина должно быть изучение взаимосвязей между тем, как задуман текст и тем, как он написан. Можем ли мы точно сказать, что оскорбляет читателя в Берроузе прежде всего – сцены сексуальных извращений или их «разрезка», обрывочный, но знакомый язык, взятый из газет, которые читательская аудитория поглощает каждый день? Каким образом повторяющиеся советы по домашней уборке в «Уцелевшем» Паланика усыпляют бдительность читателя, переходя от безобидных рекомендаций по приготовлению домашнего уксуса к рекомендации выпить воды с толчёным стеклом, для изменения тембра голоса? [7]. Тексты писателей, которых принято называть контрукультурными, не столько отрицают существующую «культуру», сколько отталкиваются от неё, доводя повседневные бытовые явления до крайних точек, стилистическими методами показывая незаметный переход от общественной нормы к аномалии. Это движение направлено не «против», а «вперёд», за чёрту.

Исследование пограничных и предельных явлений входит в понятие трансгрессии. В 1990-х годах литературоведы и критики, связанные с Йельской школой (яркими представителями которой были Жак Деррида и Поль де Ман), предложили понятие «трансгрессивной литературы» [16]. Какую функцию выполняет трансгрессия в литературе? Суть определения, которое дано в *The American Heritage Dictionary of the English Language*, сводится к тому, что трансгрессия толкает литературу за рамки принятых в данный момент норм и обычаев [16]. Она заставляет открыто посмотреть на вещи, которые не принято замечать в обществе. Аристотель говорил, что искусство даёт возможность без стыда рассматривать на картине мёртвую собаку, на которую горожанин не позволил бы себе обратить внимание на улице. *American Heritage* настаивает на том, что трансгрессивная литература не преподаёт урок морали, а наоборот, отодвигает пределы допустимого, ломая линейность повествования, или выбирай в качестве объекта смеха что-то неприличное, то, над чем в данном обществе запрещено смеяться. Если Оруэлл создаёт антиутопию «1984», показывая, что нельзя находить слишком далеко, Уильям Берроуз описывает безумный город Интерзоны, беря пример с Танжера, и полагая, что города должны развиваться именно так, радикально

в наслоеении культур [9]. Чак Паланик создаёт идею бойцовского клуба как отдушину для офисного работника. После выхода книги бойцовские клубы подпольно возникают в городах США, о чём Паланик говорит в интервью с чувством человека, которому удалось изменить окружающую действительность [10, с. 543]. Берроуз говорит, что цель писателя – «to make it happen» («заставить события происходить») [11, с. 214]. Возможность через текст общаться с читателем, показывать, как много читателю запрещается, и заронить сомнение, а нужно ли обществу столько запретов, является особенностью трансгрессии. Такие тексты – не утопия и не фантастика. Паланик чётко разделяет свои романы на трансгрессивные (написанные до 2001) года и фантастические (после 2001) [7]. Он замечает, что после трагедии 9/11 американская читающая публика не сможет принять роман о сочувствии к сектантам, который становится национальной звездой, и взрывает самолёт со всеми пассажирами, включая себя («Уцелевший», 1999 год). Возможно, сам Паланик не может выйти из собственной зоны комфорта. В 2002 году в «Колыбельной» Паланик маскирует размышления о смертной казни для убийцы своего отца. Это роман о колыбельной песне, услышав которую, человек внезапно умирает. В сравнении с «Удушьем», «Бойцовским клубом», «Уцелевшим» и «Невидимками» эта аллегория проводит среди романов Паланика черту между откровенностью трансгрессии и метафоричностью фантастики [6].

Чтобы понять, что такое трансгрессивная литература, следует рассмотреть историю «трансгрессии». Как и контрукультура, термин трансгрессии возникает в 1960-х годах, но не в социо-политической, а в литературно-философской среде. Автор термина писатель и философ Жорж Батай в работе «Литература и зло» изучал феномен запретов, от первобытных обществ до современной прозы [1]. Трансгрессия по Батаю – это шаг преодоления запрета. Посредством своего друга Александра Кожева Батай приобщился к теории Гегеля о трёх ступенях развития мысли «тезис-антитезис-синтез». Последний элемент, синтез, Гегель также называет снятием (*Aufheben*). Батай преобразует идею снятия в трансгрессию, полагая, что бесконечный цикл тезисов и антитезисов можно прервать путём нарушения запрета. Если понятие контрукультуры действует в рамках классической европейской диалектики *pro/contra*, трансгрессия подводит Батая к новой постструктурной парадигме. По мнению Батая, задача литературы – высвобождать слова из области запрета. Таким образом, с историко-литературоведческой позиции основной чертой трансгрессивной литературы является работа с запретом и его преодолением. В «Голом завтраке» Берроуз эксплицирует ряд запрещённых тем: наркотики, сексуальные извращения, гомосексуализм, опыты над психикой. По утверждению Оливера Харриса в работе *The Secret of Fascination*, «Голый завтрак» преодолевает запрет и в Берроузе, когда из комфорtnого для автора стиля переписки с Гинзбергом ему приходится перекроить черновик «Интерзоны» в самостоятельное произведение «Голый завтрак», взяв на себя ответственность за рукопись [11, с. 56].

В «Бойцовском клубе» Паланик строит действие на табу отношений между рассказчиком и Марлой Сингер. Табу приводит к тому, что в сознании рассказчика возни-

кает персонаж Тайлера Дёрдена, который не связан запретом [5]. На взаимодействии двух персонажей (по сути дела, одной личности, расколотой запретом) выстроен сюжет. Основанный на соотношении внутреннего и внешнего, «Бойцовский клуб» совпадает с батаевским пониманием трансгрессии как «внутреннего опыта», а не внешней рецепции.

Можно сделать вывод, что, если термин «контркультура» занимается внешней оценкой, рецептивной эстетикой и политическим восприятием литературы, «трансгрессия» работает с идеей запрета в тексте посредством стилистических приёмов (коллаж и разрезка в случае Берроуза, повторение и рефрен – в случае Паланика), а также выражает философию «внутреннего опыта». Несмотря на то, что одни и те же тексты часто называют и контркультурными, и трансгрессивными, эти понятия не совпадают. Трансгрессия, по Жоржу Батаю, лишена политического оттенка оппозиций свой/чужой. **Трансгрессия в литературе (1) исследует запреты, (2) обозначает пределы допустимого высказывания и (3) описывает внутренний опыт человека при столкновении с запретом.**

В **перспективе** мы планируем использовать ранние тексты У. Берроуза и Ч. Паланика для изучения характеристик трансгрессии, которые были предложены в литературоведческих работах Жиля Делёза («Критика и клиника»), и Жака Деррида («Парергон»). Совместив данные этой и последующих работ, мы придём к общему набору свойств, присущих трансгрессивной литературе, что позволит дать ей точное определение.

Література:

1. Батай Ж. Литература и зло / Ж. Батай. – Минск : С. лит., 2000. – 351 с.
2. Белград Д. Культура спонтанности / Д. Белград. К : Факт, 2008. – 528 с.
3. Гречуха Л.О. Проблема інтертекстуальності у творчості В.С. Берроуза / Л.О. Гречуха // Вісник Житомирського педагогічного університету. – Житомир, 2004. – Вип.16. – С. 218 – 221.
4. Игнатов К.Ю. От текста романа к кинотексту : автореф. дис. ... Канд. филол. наук : 05.02.12 / К.Ю. Игнатов. – Москва, 2012. – 20 с.
5. Паланик Ч. Бойцовский клуб / Ч. Паланик. – Москва: АСТ, 2008. – 253 с.
6. Паланик Ч. Колыбельная / Ч. Паланик. – АСТ, 2003. – 286 с.
7. Паланик Ч. Уцелевший / Ч. Паланик. – Москва : АСТ, 2008. – 320 с.
8. Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт. Вопросы социологии. – Москва : 1992. – № 1. – С. 35–67.
9. Burroughs W.S. Naked Lunch / W.S. Burroughs. – L : Harper, 2005. – 289 p.
10. Folio J. The Body Transgressed in Palahniuk's Choke / J. Folio / Journal of Literature and Art Studies, Vol. 3 No. 9, – 2013. – P. 541 – 646.
11. Harris O. The Secret of Fascination / O. Harris. – SIU Press, 2006. – 304 p.
12. Kurtz S. Culture and Value is 1960s / S. Kurtz. – Stanford: Hoover Press, 1998. – 197 p.
13. Malwitz R. Regeneration through Misuse / R. Malwitz. PMLA, vol. 127, Number 3. – LA, 2012. – P. 526 – 541 (16).
14. Murphy T. Amodern W. Burroughs / T. Murphy. – UC Press, 1997. – 276 p.
15. Roszak T. Making of Counterculture / T. Roszak. – UC Press, 1995. – 310 p.
16. The American Heritage Dictionary / [электронная версия] : режим доступа: <http://www.ahdictionary.com/>
17. Zimmerman N. Counterculture Kaleidoscope / N. Zimmerman. – UM Press, 2008. – 240 p.

Грівіна В. С. Трансгресія і контркультура в американському романі 1960-90-х рр. (В. Берроуз, Ч. Паланік)

Анотація. Автор статті досліджує історію виникнення понять контркультурної та трансгресивної літератури в традиції авангардних письменників США 1960-1990-х років. У статті ми спробуємо з'ясувати різницю між контркультурою і трансгресією, зрозуміти, який із термінів відповідає умовам сучасного літературознавчого дослідження, і чому. Дослідження проведено на матеріалі таких літературних явищ, як Біт покоління, кіберпанк, генерація Ікс, а також, теоретичних працях Ж. Батая і Т. Розака.

Ключові слова: трансгресивна література, контркультура, бітники, покоління Ікс, внутрішній досвід, ліміт.

Grivina V. Transgression versus counterculture in American novel between 1960-1990 s (W.S. Burroughs, Ch. Palahniuk)

Summary. This article studies the origins of two terms, ‘counterculture’ and ‘transgressive literature’ based on the avant-garde tradition of American writers, 1960-1990s. We are looking into the difference between counterculture and transgression in order to understand, which of these two terms can be more productive in the literary studies today, and why. Investigation has a literary foundation in Beatniks, writers of cyberpunk and X Generation; for the analysis we’ll employ the theories of G.Bataille, T.Roszak.

Key words: transgressive fiction, counterculture, beatniks, X Generation, Inner experience, limit-experience.